

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

Александр Кобринский

Санкт-Петербург

ЕВРЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДАНИИЛА ХАРМСА

В докладе рассматривается проблема еврейских мистических источников Даниила Хармса с опорой на материалы неопубликованных записных книжек писателя. Вычлняются важнейшие еврейские мистические мотивы, восходящие к Зогару, Талмуду, агадическим рассказам, сказкам рабби Нахмана из Брацлава и др. подобным текстам, которыми Хармс впервые серьезно увлекся в ноябре 1926 года, и анализируется процесс «адаптации» этих мотивов в контексте хармсовского творчества.

В центре внимания находится ашкеназская легенда о «ламедвавниках» и ее влияние на сценку «Ку, Шу, Тарфик, Ананан», а также на дальнейшее творчество Хармса — вплоть до повести 1939 года «Старуха» — в связи с развитием мотива тайного праведника и его «авторизации» у Хармса.

Елена Афонина

Тверь

РУССКИЙ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛ:**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Проблема циклизации — одна из актуальных в литературоведении второй половины XX века. Однако степень изученности прозаического цикла значительно отстает не только от художественной практики (М Горький, М Зощенко, М Пришвин, В Астафьев и многие другие), но и от степени изученности лирического цикла, где достигнуто системное описание явления. Несмотря на обилие отдельных монографических работ, посвященных авторскому прозаическому циклу (А С Янушкевич, Н Г Соболевская, Ю В Лебедев, Л Е Ляпина), до сих пор нет общей концепции анализа, позволяющего возможно полно и объективно интерпретировать данный тип текста.

Основываясь на накопленном, достаточно разрозненном исследовательском материале, представляется возможным дополнить некоторые исходные положения и систематизировать их в общетеоретическую концепцию.

1) Предпосылкой единства цикла единодушно признается замысел автора, который актуализируется, прежде всего, в общем для всего цикла заглавии и композиции как строго определенной автором последовательности частей (фрагментов) (Н Г Соболевская, Н Н Старыгина, С Г Бочаров). При этом обрамление (введение и заключение) одновременно играет программирующую роль и локализует цикл в корпусе текстов, оформляя его как целостность («Царь-рыба» В Астафьева).

Значительно уточнить существующее представление о прозаическом цикле и его интерпретации способен анализ особенностей взаимосвязи и взаимодействия между сюжетами частей в цикле, остающихся до сих пор вне поля зрения исследователей.

2) Единство цикла обеспечивается связью на уровне взаимодействия мотивов, тем, образов и лейтмотивов (в том значении, которое придавал этому слову Б. В. Томашевский), подробно рассматриваемой в большинстве работ (Ю. В. Лебедев, А. Г. Янушкевич). В системе образов «ведущая» роль в реализации целообразующей функции принадлежит «сквозному» герою-повествователю или герою-наблюдателю (как например, в цикле М. Горького «По Руси»).

Важно иметь в виду взаимодействие связей на различных уровнях структуры текста. Так, особенности сюжетного взаимодействия коррелируют с возможностями мотивной и лейтмотивной структуры. Исходя из этого, можно определить принципы функционирования, общие для всех типов циклообразующих связей: ассоциирующий принцип «возврата» и комплементарность в осуществлении целообразующей функции на разных уровнях структуры текста.

Представляется, что применение предложенной системы признаков позволит не только объективно интерпретировать, но и типологизировать авторский цикл как явление, уточнить художественные возможности цикловой структуры и дифференцировать его в системе прочих жанров.

Annick Morard

Швейцария, Женева

«ОТ КАЖУЩЕЙСЯ ИГРЫ

К РАЗОБЛАЧЕНИЮ ОБЩЕГО ОБМАНА»

В этом докладе о Пелевине мы рассмотрим, как автор скрывается за фигурой шута, и каким образом он использует литературные приемы постмодернизма с этой позиции. Затем я попробую доказать, что Пелевин не только шут, но и прежде всего тонкий аналитик общества и внимательный слушатель его многообразных голосов. Умножая формы рассказа, Пелевин обнаруживает общий обман как в реальности, так и в выдумке и заставляет читателя критически взглянуть на все уровни окружающего мира (настоящего и прошлого, реального и придуманного).

Особенность Пелевина в том, что он сдвигает пространственные и временные границы в развивающейся интриге непосредственно перед читателем. Автор сопоставляет разные миры: явь и выдумку, реальность и ирреальность, располагая их на одном и том же уровне возможного существования. Таким образом, читатель постепенно теряет уверенность в правильности понимания им мира, конструируемого текстом, так же, как это могло бы произойти перед экраном телевизора или страницей Интернета. Он непосредственно увлекается игрой, хотя он и знает, куда его ведет эта игра, возможности связей и соотношений между разными уровнями почти неограничены.

Надо также заметить, что сосуществование разных миров, приводящее к их уравниванию в единой плоскости мира Пелевина, распространяется на все дискурсивные ситуации. Пелевин отказывается придать своему рассказчику и своим персонажам незыблемые и доминирующие черты характера, которые определили бы их личность. Наоборот, Пелевин считает, что личность, равно как и произведе-